

ФИЛИПП
МАТЫШАК

ЭТО СПАРТА!

МЛАДЕНЦЫ ИЗ ЯЙЦА, ЖЕРТВЕННЫЕ КОЗЛЫ
И СТРАСТИ ПОТОМКОВ ГЕРАКЛА

МИОО

Филипп Матышак
Это Спарта! Младенцы из
яйца, жертвенные козлы и
страсти потомков Геракла
Серия «МИФ Культура»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73997452

*Это Спарта! Младенцы из яйца, жертвенные козлы и страсти
потомков Геракла / Филипп Матышак: ООО «МИФ»; Москва; 2026
ISBN 9785002502523*

Аннотация

Бесстрашные воины, легендарные сражения, безумные цари. Особая система воспитания, особый быт и обычаи, особое отношение к войнам – все это Спарта! Обитателям Пелопоннесского полуострова не очень повезло: скалистые земли, оторванность от моря – ни сельское хозяйство не развить, ни торговлю. Остается один выход – воевать! И подчинить жизнь всей страны военному развитию. «Это Спарта!» – история превращения небольшой деревушки в значимый город-государство, с которым пришлось считаться всем соседям. О том, как географическое положение повлияло на развитие государства, как жили обычные спартанцы и спартанки и в какие легенды верили, – в захватывающей книге Филиппа

Матьшака, британского профессора, обладателя докторской степени Оксфорда.

Содержание

Глава 1. Знакомьтесь, Спарта	11
Глава 2. Спарта обретает себя	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Филипп Матышак

**Это Спарта! Младенцы из
яйца, жертвенные козлы и
страсти потомков Геракла**

Оригинальное название:

Sparta: Rise of a Warrior Nation

Научный редактор Александр Бутягин

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by arrangement with Pen and Sword Books Limited (UK) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Copyright © Philip Matyszak, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «МИФ», 2026

* * *

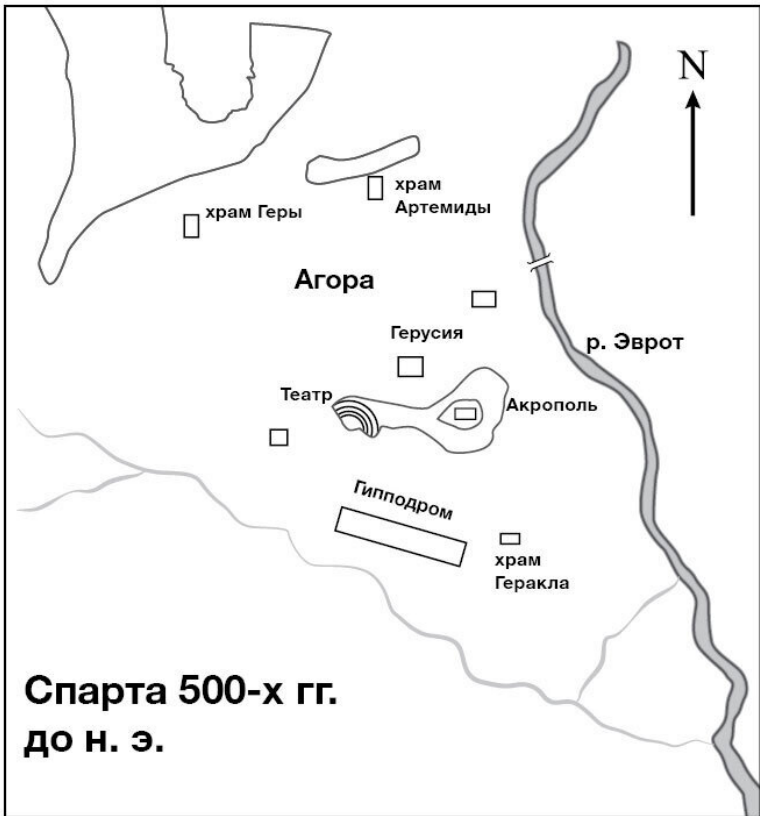

Памяти Дианы Тенсли

Глава 1. Знакомьтесь, Спарта

ВОЗЬМЕМ ОБЩИМ ПЛАНОМ

Представим себе посланника Ахеменидской державы, как называли Персидскую империю в 492 г. до н. э. Он состоит на службе у могущественного царя царей Дария I Великого. Его колоссальные владения простираются от берегов Средиземного моря далеко на восток, до самой реки Инд, охватывая территории современных Турции, Сирии, Иордании, Израиля, Египта, Ирана, Ирака, не говоря уже о солидных ломтях других земель, тоже присоединенных Дарием к своей огромной империи. Ее население исчисляется десятками миллионов людей. Посланник прибыл в греческую Лаконику (также *Лакония*) потребовать, чтобы город-государство Спарта признал верховную власть Дария I.

Обогнув мыс Малей, крайнюю юго-восточную оконечность полуострова Пелопоннес, корабль посланника пристает в маленькой гавани залива Лаконского, куда впадает река Эврот. В нижнем течении Эврот пересекает долину размером 27,4 км в длину и 6,4 км в ширину. Крошечная долина вся как на ладони – даже с борта корабля послу хорошо видна горная цепь, замыкающая ее с противоположного края.

Высадившись на берег, он спрашивает первого встречного из местных: «Ты спартанец?»

«Нет, – следует ответ. – Я *перикл*, из тех, кто живет вокруг Спарты. А Спарта в двух третях пути вверх по долине, на ее западной стороне».

«Нет, серьезно? – должно быть, хмыкает про себя посланник царя царей. – Я, посланец могущественной империи, явился сюда требовать покорности от полиса размеров столь ничтожных, что он весь с потрохами уместится на землях всего лишь одного из охотничьих угодий моего господина и даже пастбищ не заденет. Разве возможно, чтобы этот махонький, с мушиную головку, полис вздумал противиться моей воле?»

Учитывая, до каких циклопических размеров разрослась в современном сознании легенда о Спарте, не перестаешь изумляться, какой, в сущности, крохой был этот прославленный древнегреческий полис – площадью и населением он сравним разве что с небольшим городком Или близ Оксфорда, где проживает всего 15 тысяч человек. Греки-современники и те говорили, что Спарта примечательна именно своей непримечательностью:

Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество

лакедемонян их славе. <...> Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма¹ и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле².

Спарта занимала юго-восточную часть Пелопоннеса, а сам этот южный полуостров Греции имеет площадь всего 21 500 км² – вдесятеро меньше, чем Турция по ту сторону Эгейского моря. Мало того, почти всю его территорию занимают бесплодные известковые плато и скалистые массивы, оставляя лишь редкие и мелкие участки земли, пригодные для заселения.

Географические особенности Пелопоннеса глубоко повлияли на историю и психологию спартанцев, и потому, изучая становление их выдающегося государства, мы должны уделить пристальное внимание окружающей их местности.

---

¹ Синойкизм (греч. *synoikismós*, от *synoikizō* – «вместе заселяю») – в древних государствах процесс слияния нескольких самостоятельных поселений в единый полис. *Прим. пер.*

² Thucydides. *History of the Peloponnesian War* 1, 10. Русский перевод цитаты по: Фукидид. *История* / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1981. 542 с.

Закат на Лаконском заливе. Вправо – остров Китира, доставлявший много бессонных ночей спартанским царям в их заботах о безопасности родной страны. Фото: Дж. Уолен

Визуально полуостров Пелопоннес больше всего напоминает правую лапу огромного дракона, чьи растопыренные когти вдаются в Эгейское море. Крайний правый коготь этой лапы, обращенный к северо-востоку и противостоящий трем другим, образует полуостров Арголида. Выше него и ближе к центру полуострова располагаются Ахайя и Коринф. Западнее и чуть ближе к «запястью» лежит Элида; на ее землях в святилище Олимпии более тысячи лет проводились спортивные состязания, давшие имя нашим современным Олимпийским играм.

В центральной части полуострова располагается плато

Аркадия, его высота над уровнем моря более 600 м, а рельеф образует причудливые складки из горных хребтов, глубоких ущелий и укромных долин, куда низвергаются стремительные и бурные речки. Немудрено, что при подобном обилии географических причуд у Аркадии оставалось маловато простора для развертывания исторических событий – по большей части те обошли ее стороной, превратив в современную метафору вечного земного рая со всеми положенными букволическими прелестями.

Для историка Спарты полуостров Пелопоннес приобретает настоящий интерес, когда мы смещаемся к его южной оконечности, которую образуют три равноудаленных друг от друга драконьих когтя, обращенных в сторону Африки. Восточный коготь называется мысом Малая, средний – мысом Тенар, а западный, массивный и будто обрубленный, – это мыс Акрит. Как анатомически и полагается, к каждому когтю подходит свой «сустав» – горный хребет, протягивающийся вдоль всего мыса и дальше вглубь полуострова.

В особенности нас интересует «сустав», подходящий к центральному из трех когтей – мысу Тенар. Он образован протяженным горным массивом Тайгет, наивысшей точкой которого является одноименная гора. В нашей истории гора Тайгет играет невероятно важную роль, и, между прочим, ее имя – старейшее из письменно зафиксированных названий горных вершин в Европе (благодаря тому, что оно упомянуто Гомером в «Одиссее»). Не менее важен для нас и сам во-

дораздельный горный массив Тайгет, поскольку прилежащая к нему с востока долина, орошаемая рекой Эврот, составляет плодородную часть Лаконики, где и располагается Спарта. Западнее, по ту сторону Тайгета и параллельно ему, протекает река Памисос. Область в ее бассейне, называемая Мессенией, обладает относительно плоским (по меркам Пелопоннеса) рельефом и высокоплодородными (по тем же меркам) землями, которые разделены вторгающимся в них отдельным горным хребтом.

Вид на горный хребет Тайгет со стороны Мессении. Здесь его склоны более пологи, чем со стороны Спарты, где их крутизна создает серьезное препятствие для путешественников.

Фото: Дж. Уолен

Этот беглый географический очерк показывает, что при всех невеликих размерах полуострова Пелопоннес область Лаконика – со всеми ее горами и долами – занимает меньше его четверти с площадью примерно 3900 км². Иными словами, завоевав всю Лаконику, Спарта стала владычицей империи, земли которой простирались на 78,8 км в длину и на 56 км в ширину. Для дальнейшего расширения владений требовалось двинуться либо на запад, преодолев горный массив Тайгет, либо на север в неприветливую гористую Аркадию, либо искать удачи в завоеваниях на море. Заметьте, однако, что в Античности Средиземное море делало почти невозможной навигацию в зимние месяцы. И хотя в самой Спарте снег видели редко, но на склонах Тайгета его выпадало достаточно для того, чтобы превратить горные перевалы в опасное, почти непреодолимое препятствие. Следовательно, значительную часть года Лаконика бывала фактически отрезана от остального мира.

К вышеописанным физическим барьерам добавлялись и барьеры психологического свойства. Те же преграды, которые мешали Спарте вырваться из тисков Лаконики на просторы Пелопоннеса, в равной степени препятствовали проникнуть в нее людям извне. Изоляция Спарты привела к формированию у нее замкнутого, провинциального взгляда на мир, а также представления о своей особости и исключи-

тельности. Позже, когда Спарта вошла во вкус завоеваний и стремилась распространять свою власть далеко за собственные пределы, правители полиса прекрасно осознавали, что на новые земли следует допускать как можно меньше истинных спартанцев. В том и состояла их беда: за пределами своего уникального общества они выказывали огорчительную неспособность держать под контролем самих себя, не говоря уже о номинально покоренных ими народах. Таким образом, до каких бы высот могущества ни поднималась Спарта, в психологическом плане она неизменно оставалась тем же, чем была изначально, – крохотным, стиснутым горами городом-государством, затерянным под западным боком массивного Тайгета.

ИСТОКИ, ЧАСТЬ I. АРХЕОЛОГИЯ

Кто они были такие, эти спартанцы, и откуда взялись? Существует два ответа. По ряду пунктов они совпадают, но по существу очень различаются; однако оба могут быть «верны» в зависимости от точки зрения интересующегося.

Первые поселения появились на Пелопоннесе еще в доисторические времена. Археологи обнаружили стоянки древних людей, обосновавшихся здесь почти 50 тысяч лет назад. Первые их обитатели пришли на полуостров через узкий Коринфский (или Истм) перешеек и основали в защищенных межгорных долинах тесно сплоченные изолированные сооб-

щества. Но даже археологическая картина этих первых поселений охотников-собирателей остается довольно фрагментарной вплоть до времен аграрной революции, свершившейся примерно восемь тысячелетий тому назад. Первым земледельцам Лаконики приходилось совсем не сладко. Но мягкий климат и благоприятные для сельского хозяйства условия по крайней мере облегчали их аграрные старания (если предположить, что они не слишком привередничали относительно размеров урожая и разнообразия возделываемых культур), к тому же под защитой гор им особо не досаждали ни нападения хищников, ни набеги воинственных племен. При летних засухах и дождливых сезонах весной и осенью земля здесь позволяла выращивать по два урожая зерновых в год, причем этот цикл сохранялся и на протяжении классической эпохи (500–336 гг. до н. э.).

Многие поселения не относились к постоянным: недостаток агрономических познаний приводил к тому, что низкокачественные почвы быстро истощались и подвергались эрозии; негативную роль играли также колебания климата. (В 2015 г. археологи обнаружили на дне у побережья Арголиды целый подводный город доисторических времен, затонувший в результате того, что уровень моря значительно повысился.) Тем не менее некоторые древние поселения оставались обитаемыми довольно долго и, судя по всему, просуществовали не одно тысячелетие. Относительно густо была заселена долина реки Эврот, одна из самых плодородных

местностей во всей Греции. Обнаруженные здесь черепки керамических изделий и прочие остатки предметов древней материальной культуры указывают на то, что поселения времен неолита в Лаконике существовали не обособленно друг от друга и что между деревнями в долине Эвроты велась торговля, а область Лаконика поддерживала коммерческие отношения с другими областями Пелопоннеса.

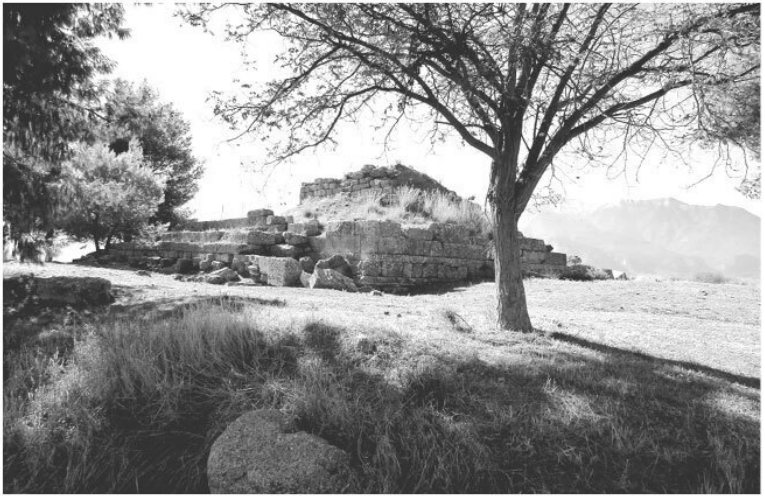
Древние поселения в долине Эвроты располагались в основном на ее западной стороне, где наносы горных пород благодаря стекающим со склонов Тайгета талым и дождевым водам образовали полосу плодородной земли, обогащенную также донными отложениями давно исчезнувшего внутреннего моря. Восточное побережье Эвроты значительно уже западного и сформировано илистыми речными отложениями. Ширина долины почти на всем ее протяжении не превышает 8 км, а высящиеся по обе ее стороны горы объясняют, почему Гомер назвал эту область «низменный Лакедемон, окруженный холмами». В доисторические времена еще не существовало прибрежной аллювиальной (образованной наносами и намывами) равнины, ныне одного из самых процветающих сельскохозяйственных районов в долине Эвроты, и более того, судя по некоторым данным, прибрежные территории были настолько засушливыми и малопродуктивными, что из всех сельскохозяйственных занятий возможным оставалось лишь разведение овец.

Если Спарта и существовала в те древнейшие времена, то

ее жители оставили будущим археологам крайне мало материальных свидетельств о себе. Самые ранние надежные указания на то, что в этих местах было постоянное поселение, относятся к бронзовому веку, начавшемуся примерно в III тысячелетии до н. э. В том месте, где Эврот принимает в себя спускающийся со склонов Тайгета горный ручей Магулу, на противоположном восточном берегу высится Ферапна, скалистый холм, где найдено заброшенное древнее поселение, получившее у археологов название Менелайон. Сама же классическая Спарта позже возникла на противоположном, правом (западном) берегу Эврота. Там же, чуть ниже по течению, существовало доисторическое поселение Амиклы – как оказалось, всего лишь спутник Менелайона, где в годы расцвета вся вершина холма была сплошь застроена домами и окружена оборонительной стеной. В отличие от Менелайона, в Амиклах в классическую эпоху продолжали жить люди, а позже, наряду с несколькими другими соседними деревенскими поселениями, они вошли в состав мегаполиса Спарта.

В ранний период бронзового века холм Менелайон служил важным центром Лаконики, и с течением времени его значение только возрастало. Однако господствующим городом Лаконики он не стал – этой чести удостоилась Пеллана. Ныне всего лишь маленькая деревушка, Пеллана раскинулась на макушке Лаконики, тогда как Спарта – почти в самой ее сердцевине. Поскольку в силу своего положения Пел-

лана в те древние времена контролировала доступ остальной Греции в долину Эвроты, город мог играть роль своего рода региональной столицы, хотя этот термин лишь с большой натяжкой применим к значительно рассредоточенному обществу, каким оно, судя по всему, было в те времена. Когда царства микенского времени Греции набирали силу и централизовали власть, столицей Лакедемонскому царству, вероятно, служили либо Пеллана, либо Менелайон – по этому вопросу дискуссии все еще ведутся. Как свидетельствует археология, именно в Менелайоне был возведен один из самых ранних в материковой Греции микенских дворцов и вскоре разрушен, из чего можно заключить, что вопрос первенства в доисторические времена тоже ожесточенно оспаривался.

Вид на Менелайон – спартанское поселение времен микенской цивилизации, обращенное на юго-запад в сторону реки Эврот. Фото: Дж. Уолен

Археология мало что сообщает нам о политической жизни и обычаях населявших Лаконику народов. Нам известно, что войнам отводилась важная роль, поскольку греки микенской эпохи с удовольствием предавались этому времяпрепровождению и еще потому, что археологические раскопки на территории Лаконики выдают крупный интерес строителей того времени к возведению оборонительных сооружений. Нам известно также, что еще с началом бронзового века Менелайон возвысился как религиозный центр, и с тех

пор на холме возникла целая череда храмов. Свою роль святилища он сохранял даже после того, как на другом берегу Эвроты начала набирать силы и могущество классическая Спарта. При этом в спартанскую эпоху объектом религиозного поклонения в Менелайоне выступали уже не боги, а герои времен бронзового века (в их числе и выведенный в гомеровском эпосе «Илиада» царь Менелай, в честь которого сегодня называется это древнее святилище).

В геополитических реалиях Греции времен бронзового века Менелайон имел большое значение, хотя, по всей вероятности, он относился к городам второго порядка, уступая по важности таким крупным могущественным центрам, как Микены, Фивы и незадолго до того возникшие Афины. Вообще сама Греция по большей части представляла собой что-то вроде захолустья в сравнении с процветающими центрами цивилизации в Египте, Месопотамии и на островах Эгейского архипелага. Что до микенских греков, то, учитывая их воинственность, пожалуй, неудивительно, что их самым выдающимся достижением конца бронзового века был объединенный военный поход, увенчавшийся разрушением могущественного Илиона (Трои) на западном побережье Малой Азии.

Пускай подвиг прославлен в мифах как осада Трои, о реальных исторических обстоятельствах этого события нам мало что известно. Точнее говоря, установить, что легендарная Троя из гомеровского эпоса реально существовала, уда-

лось не далее как полтора века назад, а последующие археологические изыскания подтвердили, что город действительно был разрушен примерно в то время, какое упоминается в легендах, а именно около 1250 г. до н. э.

Вскоре после падения Трои стряслось нечто ужасное, и не только с Грецией, но и со всем цивилизованным миром Восточного Средиземноморья. Точные причины неизвестны, но, что бы ни произошло на закате XIII в. до н. э., оно носило поистине катастрофический характер. Согласно одной теории, случилось очередное извержение вулкана Тира (Фера, Санторин). Сегодня остров Санторин представляет собой окольцованную скалами и заполненную морской водой кальдеру гигантских размеров, которая образовалась на месте кратера вулкана после ряда извержений, причем как минимум одно из них превосходило мощью извержение Кракатау – самое мощное в современности. Но если Кракатау извергся в относительно отдаленном от очагов цивилизации районе Тихого океана, то вулкан Тира располагался в близком соседстве даже не с одной, а с несколькими древнейшими цивилизациями.

Крупное извержение в Восточном Средиземноморье не могло не вызвать моментальных и совершенно катастрофических последствий. И конечно, одного этого события вполне хватило бы, чтобы угробить бронзовый век. Правда, высказываются также предположения, что невиданное бедствие, которое почти стерло с лица земли процветающую в

этом регионе цивилизацию, спровоцировали такие факторы, как изменение климата, в особенности засухи, крупная эпидемия или сочетание того и другого. Беда с катаклизмом такого масштаба заключалась в том, что пережить его удалось слишком ничтожному числу очевидцев, способных описать события, и столь же ничтожными были шансы, что их письменные свидетельства, даже если бы и существовали, могли сохраниться до наших дней. Вот почему коллапс бронзового века остается для нас загадкой такой же непостижимой, как и совершенно разрушительные причины, его вызвавшие.

В Анатолии пала Хеттская империя, лишь руины остались от Сирии. Почти полностью исчезла когда-то блистательная минойская цивилизация, зародившаяся на Крите. Не уберечься и Египет, к тому времени насчитывавший уже несколько тысячелетий: сильнейшие внутренние потрясения и вторжение чужеземных захватчиков подвели к краю гибели даже эту могущественную цивилизацию.

Страшный катаклизм чуть ли не до основания уничтожил микенскую Грецию. Как свидетельствует археология, разрушились практически все крупные центры сосредоточения населения, а те, что помельче, просто обезлюдели. Гончарное ремесло, достаточно точно отражающее уровень развитости общества, с изысканных расписных ваз скатилось до изделий, напоминающих разве что грубо обработанные куски глины. Письменность практически забылась, из-за чего текстовые источники на несколько веков исчезли как класс и

появились, только когда она возникла вновь. Эта новоизобретенная письменность по форме не имела ничего общего с ранее существовавшей. В общем и целом Греция погрузилась в «темные века», продлившиеся до начала VIII в. до н. э. Таким образом, мы практически ничего не знаем о том, какие события на протяжении трех столетий происходили в Греции, – что и говорить о таком ее глухом уголке, как Лаконика, где предстояло зародиться Спарте.

Но все-таки нам известно, что около 1000 г. до н. э. поблизости от развалин Менелайона, но на противоположном берегу Эвроты возникли две деревни. В те тяжелые времена здравый смысл подсказал их обитателям идею общими силами укрепить близлежащий холм и превратить его в акрополь (букв. «верхний город»), где в трудный час можно укрываться от опасностей. Резонно предположить, что объединение усилий для такого важного дела в конечном счете привело и к объединению самих деревень (вероятно, от двоих правителей тех деревень и берет начало спартанская традиция диархии – правления двоих правителей, диархов, или дуумвиров). Из этого туманного начала и поднялась могущественная Спарта. Не следует думать, что те две объединившиеся деревни населили бывшие обитатели Менелайона, которым вздумалось переселиться за реку. Ничего подобного! Что случилось с ними, неизвестно, зато мы знаем, что теперь Лаконику заселил пришлый народ – дорийцы.

Еще один вид на Менелайон с юга на его западную сторону, обращенную к долине Эвроты. Фото: Дж. Уолен

Племя дорийцев явилось с севера, возможно даже с Балкан. Как и о прочих событиях в Греции «темных веков», наши сведения о вторжении дорийцев смутны и по большей части предположительны. Нельзя исключать и того, что ошибочен даже сам термин, обозначающий их прибытие на Пелопоннес, – «дорийское вторжение», – возможно, этот народ всего лишь желал овладеть пустующими или заброшенными поселениями. Некоторые историки склоняются к мнению, что дорийцы издревле населяли Пелопоннес и, будучи покоренными, во многом находились в таком же положении, ка-

кое в дальнейшем Спарта отведет илотам. Во времена катастрофы дорийцы свергли своих угнетателей и забрали власть в свои руки. Каким бы ни было их происхождение, к концу «темных веков» они владели всем Пелопоннесом, в том числе Лаконикой, а спартанцы классической эпохи уже с гордостью именовали себя дорийцами (но только не спартанские цари – по причинам, на которых мы остановимся ниже).

Разрушение, как это всегда бывает, дало толчок к созданию нового. До наступления «темных веков» ключевую роль играли проторенные торговые пути. С крахом цивилизации бронзового века разрушились и они. Отсутствие олова (которое, согласно ряду источников, завозилось из такой дали, как Британия) не позволяло производить его сплав с медью – бронзу, а олово по тем временам было достаточно редким металлом. Без этого металла закончился и сам бронзовый век. Вероятно, от отчаянности положения некто изобретательный в Анатолии начал экспериментировать с расплавлением железной руды, и тут выяснилось, что железо, – когда-то считавшееся металлом еще более редким, чем золото, – вполне себе можно получать из определенных почв красноватого оттенка. И что еще примечательнее, в процессе плавки раскаленное докрасна железо, как оказалось, способно поглощать отдаваемый древесным углем углерод и образовывать сталь, сплав с весьма ценными свойствами. Правда, действовать приходилось наугад и нужный сплав не всегда получался, но, после того как технологический процесс уда-

лось отработать, открылся путь к мечам гораздо более прочным и гибким, чем любое холодное оружие, которым владели микенские цари. Таким образом, из «темных веков» Греция вышла куда как лучше вооруженной и куда более свирепо-воинственной, чем была, когда только низринулась в их крошечный мрак. А Спарта, та и вовсе выиграла вдвойне, поскольку располагалась на самых плодородных землях долины Эвроты и потому могла посвятить завоевательным войнам достаточно населения и ресурсов, которые другие, менее удачливые народы вынуждены были тратить просто на выживание.

Мореплавание тоже получило значительное развитие на исходе «темных веков». Финикийцы, происходивший из Леванта семитский народ, первыми освоили передовые технологии судостроения и во многом поспособствовали восстановлению морских торговых путей в Средиземноморье. Одно время на негостеприимном мысе Малей даже существовало финикийское поселение, где производились красящие вещества. Греки быстро последовали примеру финикийцев и тоже обратили взоры к морю, а вскоре уже бойко вели торговлю и основывали торговые фактории. Последние же затем превратились в их колонии, рассыпанные по всем побережьям Средиземного моря.

Ко времени, когда возвращалась письменность и восстанавливалась традиция вести летописи, греки уже широко распространились по всему Средиземноморью. Дорийцы

Спарты могли претендовать на родство с дорийскими Сиракузами, с Родосом и даже с городом Кирена в Африке. И хоть спартанцы меньше тяготели к морю, чем другие греки, они тоже обзавелись несколькими колониями, главным образом на маленьком острове Милос. Еще одну они основали на острове Тира, точнее на останках того самого вулкана, который, вероятно, спровоцировал катаклизм, сгубивший бронзовый век.

Между тем в IX в. до н. э. Греция, спотыкаясь, уже делала первые шаги к восстановлению, а Спарта по-прежнему оставалась тем же, чем была в прошлую эпоху. Пускай переименованная и перебравшаяся на другой берег Эврота, Спарта снова оказалась второразрядным греческим городом и, хотя достигла местного господства, в большом мире греческой цивилизации оставалась не более чем глухим захолустьем. При своих невеликих размерах, скромных традициях и культуре Спарта вступала в классическую эпоху средненьким, абсолютно заурядным городком.

Но вскоре все должно было измениться.

ИСТОКИ, ЧАСТЬ II. СЕКС И НАСИЛИЕ

Прочитай спартанец классической эпохи вышеприведенный историко-географический экскурс, он бы с возмущением отверг его как глупые, не заслуживающие доверия выдумки. Одно из предназначений истории в том и состоит, чтобы

дать тому или иному сообществу представление о его идентичности. Для этого история рассказывает людям, кто они такие, где берут свои корни и какие деяния совершали. Однако спартанцы не нуждались в приведенных нами исторических сведениях. Они уже сами составили себе ясную и понятную картину, кто они и откуда.

Поскольку спартанцы глубоко верили в собственный нарратив, он во многом сформировал их представления о самих себе. Современные историки не упустят возможности поднять его на смех, обозвав мешаниной из мифов, ложных воспоминаний и откровенных выдумок, призванных выпячивать и восхвалять доблесть спартанцев. Тем не менее именно этот нарратив сформировал их мировоззрение и превратил их в тот народ и то общество, какими они стали. И потому выдуманная спартанцами история, в которую они сами свято верили, во многих отношениях оказывается важнее, чем хроника всего того, что произошло «в реальности». Нарратив спартанцев о своем происхождении существовал в нескольких вариациях в зависимости от того, кто и по какому случаю его излагал, однако базовый сюжет везде одинаков.

Так что давайте вернемся к началу и теперь изложим историю происхождения Спарты, как ее представляли себе ее жители, и для этого соединим различные легенды, которые, как считали спартанцы, повествуют, откуда в действительности взялись их земля и их народ.

Итак, после того как великий потоп уничтожил мир и положил конец бронзовому веку, в свои права вступил героический век (приблизительно в 1300 г. до н. э.). В возродившемся мире первыми в Лаконике поселились подданные царя Лелега, чьим внуком был Эврот. Этот Эврот в свой черед взошел на престол и осушил болотистую долину посреди Лаконики, прорыв канал до самого морского побережья. Со временем канал не только не исчез, но, напротив, даже расширился и превратился в реку Эврот. А сам царь, не в пример плодородным берегам созданной им реки, оказался бесплоден, и за отсутствием потомков пришлось ему искать себе наследника на стороне.

Его выбор пал на человека по имени Лакедемон, хотя «человеческого» в его происхождении мы увидим не то чтобы много. Его отцом был титан, принадлежавший к расе бессмертных существ, что жили на заре мира. Однако Лакедемон родился не от какого-нибудь титана, а от самого повелителя богов Зевса. Пускай и связанный брачными узами, Зевс питал большую слабость к соблазнительным нимфам и однажды прельстился одной из них – Тайгетой, дочерью могучего титана Атланта, которого Зевс в свое время обрек держать на плечах небесный свод. Будучи божевами природы, нимфы обычно покровительствовали морям, водным потокам, лесам или горам. Тайгета стала покровительницей горы, обращенной к новоявленной реке Эврот, и впоследствии дала той вершине свое имя. Как раз на горе Тайгет Зевс Тайге-

ту и соблазнил (читай: изнасиловал). В положенный срок та родила сына – нашего Лакедемона. Получается, он был титаном по линии отца, а также деда с материнской стороны, но никоим образом не человеком.

Царь Эврот не упустил шанса заполучить этого замечательного персонажа в свое семейство и устроил брак Лакедемона со своей дочерью, очаровательной царевной по имени Спарта. А дальше по примеру почти современного ему греческого героя Пелопа, который так успешно правил своей страной, что она стала называться по его имени Пелопоннесом, Лакедемон передал собственное имя своему маленькому царству, и, соответственно, оно стало называться Лакедемонией. А главный город получил имя новобрачной – Спарта. (Однако будем иметь в виду, что, поскольку классическая Спарта по тем временам еще оставалась луговыми угодьями, миф, вероятно, имел в виду то самое поселение Менелайон.)

Теперь прокрутим время на три поколения вперед и обратимся к царю Тиндарею, внуку (по материнской линии) героического Персея, который убил горгону Медузу. Тиндарей повздорил с братом из-за спартанского престола и был изгнан в Пеллану (обратим внимание, как этот сюжет перекликается с нашим предположением, что в реальном историческом бронзовом веке Пеллана соперничала со Спартой). В изгнании Тиндарей нашел верного союзника и родственника в лице еще одного потомка Персея. Им был не кто иной, как Геракл, а тот по причинам, в которые мы здесь не станем

вдаваться, имел зуб на правящего царя Спарты. Малоизвестный факт: помимо истребления разного рода чудовищ в ходе своих героических подвигов, Геракл на досуге выступал военачальником, и многих царей Южной Греции настигла внезапная смерть от его руки. Их он истребил с полдюжины, в том числе и злополучного царя Спарты.

И теперь по праву завоевателя Геракл мог воссесть на спартанский престол, однако, не имея времени царствовать в этом глухом юго-восточном углу Греции, доблестный герой назначил Тиндарея кем-то наподобие наместника – править Лаконикой от его имени до той поры, пока сам Геракл или его потомки не вернутся потребовать трон.

«Царь» Тиндарей начал править своим новоприобретенным царством и взял в жены прекрасную Леду, царевну Этолии. И все у них шло гладко до одного рокового полудня, когда той на глаза попался несчастный лебедь, на которого яростно напал орел. Леда сжалилась над лебедем и отогнала орла, не ведая, что разыгравшаяся перед ней сценка – всего лишь постановка, часть хитроумного плана, придуманного Зевсом, чтобы забраться ей под хитон. В ходе дальнейших событий стало ясно, что Леда нисколько не возражает против наметившегося продолжения, стоило лебедю из бедной жертвы преобразиться в пылкого соблазнителя. Последовавший за сим пароксизм любовной страсти на протяжении веков питал вдохновение мастеров художественного искусства, от создателей средневековых гравюр и лубков до блистатель-

ного Леонардо да Винчи, а в XIX в. этот эротический сюжет активно обыгрывался в порнографии.

Вслед за приключением с «лебедофилией» у Леды той же ночью случился супружеский секс более конвенционального свойства с Тиндареем. Эти два события возымели необычную развязку: спустя время Леда снесла пару яиц. Каждое содержало по паре младенцев, один из которых был простым смертным, а второй божеством – отпрысками Тиндарея и Зевса соответственно. Из первого яйца вылупились два младенца мужского пола – божественный Кастор и смертный Поллукс. Впрочем, последний позже тоже приобрел божественность, и теперь одна двенадцатая мирового населения имеет верное основание чувствовать этих братьев, олицетворенных знаком зодиака Близнецы. Содержимое второго яйца оказалось еще более необычным: смертная девчушка Клитемнестра, будущая супруга (а заодно и убийца) царя Микен Агамемнона, делила скорлупу с малышкой божественного происхождения Еленой, которая станет прекраснейшей из всех когда-либо живших на свете женщин.

Невероятная красота Елены не могла не смущать умы и сердца смертных. Еще до того, как она вступила в пору девичества, стало понятно, каких неопикуемых бед натворит ее облик. Прибывшие в Спарту по государственным делам царь греческого племени лапифов Пирифой и его лучший друг афинский царь Тезей заметили Елену, когда она танцевала в храме Артемиды Орфии (археологи считают, что ру-

ины именно этого храма, скорее всего, обнаружены в Мене-лайоне). Хотя она была еще совсем ребенком, оба немедленно возжелали обладать ею. Поддавшись внезапному чувству, Пирифой с Тезеем похитили Елену, после чего отчаянно бежали со своей пленницей через весь Пелопоннес от преследовавшей их погони.

Добравшись до безопасного места в Аргосе, гнусные похитители доверили жребию решить, кому из них достанется Елена. Длинную соломинку посчастливилось вытянуть Тезею, а Пирифой объявил, что тогда ему тоже полагается какая-нибудь дочь Зевса. И тут же они решили, что если Елена отходит Тезею, то Пирифой силой возьмет Персефону, дочь Зевса от богини плодородия Деметры. Правда, Персефона приходилась супругой богу подземного мира Аиду, но, похоже, двоих товарищей совсем не смущали сопряженные с их гадким предприятием опасности. Сказано – сделано, и, спрятав Елену у своей матери в городке за пределами Афин, Тезей сопроводил друга в царство Аида, чтобы Пирифой привел в исполнение затеянное ими сумасбродство.

Пока Тезей помогал своему дорогому другу охотиться за Персефой (что не кончилось добром), в Афины прибыли Кастор и Полидевк во главе спартанской армии. Сначала они очень вежливо попросили вернуть их сестру Елену, но, убедившись в тщетности учтивых просьб, братья стали терять терпение, а градус их требований накалялся чем дальше, тем сильнее. Дошло до того, что в ходе вспыхнувшей

войны спартанцы разгромили Афины, а после в поисках своей царевны рыскали по всей Аттике, пока один умный человек по имени Академ не рассудил, что негоже целому царству терпеть такие муки ради того, чтобы защищать детональника, к тому же тогда отсутствующего. Он и подсказал спартанцам, где искать похищенную красавицу. (Именно по этой причине уже спустя века, во времена Пелопоннесской войны, когда спартанцы регулярно разоряли земли Аттики, они не трогали владений потомков Академа.)

Поскольку Тезей, как предполагалось, ввел Елену в статус женщины, по ее возвращении в Спарту тут же налетел рой поклонников, наперебой желавших взять красавицу в жены. По некотором размышлении Елена остановила свой выбор на микенском царевиче Менелае. По прошествии лет Тиндарей с Ледой ушли на покой и передали бразды правления Лаконикой Менелаю с Еленой, решив, что наступило их время. А затем из Трои явился Парис.

Очередное похищение Елены повлекло за собой знаменитую десятилетнюю осаду Трои, закончившуюся ее полным разрушением. Само по себе это военное предприятие – осада города – раскрыло последующим поколениям классических спартанцев ряд важных истин относительно их самих.

Во-первых, спартанский народ крайне чувствителен в вопросах чести. (Обратите внимание, что если спартанцы болезненно восприняли похищение Елены, то Геродот отозвался о нем в более спокойном и даже несколько равнодуш-

ном тоне: «Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели»³.)

Во-вторых, теперь спартанцы окончательно утвердились, что могут нападать на чем-либо им не угодившие народы, да притом еще и рассчитывать на победу. Наконец, повышенное внимание со стороны как богов, так и смертных к народу и делам Лаконики убедило спартанцев в том, что они не только заметны в общегреческих делах, но и играют решающую роль в улаживании такого рода вопросов. А значит, они великий народ, готовый применить любую меру насилия, какую сочтут достаточной, чтобы поквитаться со всяким, кто вздумает нанести им обиду. И конечно, остальная Греция позже решительно признает правоту этой характеристики спартанцев.

На протяжении двух поколений, последовавших за падением Трои, дела на мифическом Пелопоннесе шли обычным чередом. А именно: случилось несколько мелких, но безмерно ожесточенных войн, семейство Тиндарея и его потомков потрясали мудреные житейские драмы, достойные мыльных опер, а боги по своему обыкновению почем зря вмешивались в дела смертных. А потом, примерно в то время, которым археологи датируют конец бронзового века, на мифический Пелопоннес вторгся чужой народ с севера и захватил полу-

---

³ Herodotus. *History*. Русский перевод цитаты по: Геродот. *История в девяти книгах* / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

остров. Это вторжение с последующим завоеванием зафиксировано как археологической наукой, так и народными преданиями, хотя сами спартанцы в своих легендах ни за что на свете не признали бы такого унижительного факта, как завоевание Лаконики чужеземным племенем, даже если – и особенно если – последующие поколения спартанцев *и правда* были его потомками.

Какое там! В своих легендах спартанцы по-прежнему называли себя потомками Зевса и Тайгеты, народом Елены. Разве что власть над ними прибрали к рукам правнуки Геракла. Но Геракл, следует вспомнить, имел законное право претендовать на царский престол Спарты. Его сыновья (довольно-таки многочисленные) были изгнаны на север, где и прозябали до тех пор, пока еще более многочисленный «третий плод» – то есть третье поколение Гераклидов – не вернулся на Пелопоннес потребовать свое законное наследство, как некогда и прорицал Дельфийский оракул.

Таким образом, новые правители Пелопоннеса были никакими не чужеземными завоевателями, а вовсе даже его родными сынами, поскольку их предок (прадед) Геркулес происходил из Ахайи, а это совсем рядом с Микенами. Вот почему, когда однажды – уже в классическую эпоху – царя Спарты попросили из афинского храма по причине его принадлежности к дорийцам, он учтиво возразил жрице: «Нет, милостивая госпожа, я вовсе даже ахеец». (Именно что учтиво, поскольку спартанские мужчины выгодно отли-

чались от своих древнегреческих современников куда более почтительным обхождением с женщинами.) Различие между дорийцами и потомками Геракла любезно выдумали, чтобы угодить простым спартиатам, которые упорно называли себя одновременно и дорийцами, и потомками Тайгеты.

Среди Гераклидов на царский трон Лаконики претендовали двое – братья-близнецы Прокл и Еврисфен. А все потому, что их мать никак не могла вспомнить, кто из них появился на свет первым и, соответственно, унаследовал право на престол. Она обратилась к Дельфийскому оракулу за советом, кому из двоих садиться на трон, а тот отвечал, что править должны оба ее сына, чем создал прецедент диархии – совместного царствования двоих царей, – которая стала уникальной особенностью спартанской системы власти.

Соседняя Мессения отошла к другому потомку Геракла, Кресфонту, по жеребьевке – в прямом смысле, поскольку близнецы и Кресфонт устроили жребий, кому где царствовать. В целом Мессения считалась получше Лаконики, поскольку выгодно отличалась плодородностью земель, процветанием и населенностью. Трое соперничавших претендентов на престол этого богатого царства уговорились кинуть жребий щепками по принципу выбывания: щепки следовало бросить в вазу с водой и выигрывала та, что всплыла позже других. Щепки с нацарапанными на них именами Прокла и Еврисфена быстро показали на поверхности, и победа автоматически досталась Кресфонту. И лишь спу-

стя время раскрылось, что результат был подтасован: хитрый Кресфонт смухлевал и вместо щепки бросил кусочек глины. Само собой, та в воде растворилась, и потому жребий Кресфонта не мог бы всплыть ни при каких условиях. (За свои прегрешения Кресфонт позже был убит неблагодарными мессенцами.)

Из этой неприглядной истории спартанцы сделали вывод, что Мессения по всему принадлежит лаконским царям, которых нагло обвели вокруг пальца и лишили законной собственности. Как народ, привыкший расплачиваться за обиды физической расправой, они полагали, что должны вернуть Мессению в руки «законных правителей» силой своего оружия. Что в конечном счете и сделали.

Глава 2. Спарта обретает себя

ВНЕШНИЙ МИР

Скорее всего, Спарта более всего заботилась о том, как бы половчее прибрать к рукам контроль над долиной Эврота, но попутно бросала хоть и опасливые, но алчные взгляды на тучные земли соседней густонаселенной Мессении. Однако и спартанцы, и мессенцы осознавали себя народами зарождавшейся новой страны – Эллады.

Как предполагает их самоназвание, греки (эллины) по-прежнему воспринимали себя народом, происходившим от Эллина, сына легендарного Девкалиона, который среди первых поселился на землях Греции после того, как их первоначальных обитателей смыло мифическим потопом. Но подобно тому как ландшафт после наводнения навсегда утрачивает свой прежний облик, Греция вышла из горнила «темных веков» в корне изменившейся, абсолютно непохожей на себя прежнюю. Канули в небытие когда-то могущественные центры власти, им на смену пришли новые политические образования. Первыми и главными среди них стали *полисы*, города-государства. (Это слову «полис» мы обязаны такими понятиями, как «политик» и «политес», то есть любезная ма-

нера обхождения в противовес деревенской неотесанности.)

В Греции бронзового века господствующими элементами политического ландшафта выступали царства, возникавшие вокруг относительно крупных городов, к числу которых, например, относились Микены. Цари властвовали над собственными государствами и над зависимыми от них правителями. Царь одного из этих древних царств, как мы видели на примере очевидных трений между Пелланой и Менелайоном, собственной волей решал, в каком городе располагаться его столице. Средоточием политической власти выступал верховный правитель, а не его местопребывание.

В новой Греции архаической эпохи положение вещей изменилось. Теперь центром власти стал полис, а без своего полиса правитель превращался не более чем в изгнанника, лишённого всяких притязаний. (К тому же правителями полисов чаще всего были не цари в прямом смысле этого термина. Полисы пробовали разные формы правления, в том числе олигархию богатой аристократии или единовластных правителей (тиранов), которые в целом походили на царей, но не обладали той легитимностью, какую даёт унаследованная корона.)

Среди новых центров власти возвысились города-государства Афины и Коринф. Афины выросли в особенно крупный полис, объединив в единое политическое образование различные города и деревни Аттики в Западной Греции, – вспомним легенду о нашем знакомом царе-детопохитителе

Тезее из времен мифического героического века. По соседству с Афинами располагалась Беотия, женщины которой на всю Грецию славились несказанной красотой, а мужчины, как сплетничали злые языки, – недалекостью ума. Главным городом Беотии были Фивы с их мощно укрепленным акрополем, еще со времен бронзового века остававшиеся могущественным центром власти. С запада к Аттике прилегал баснословно богатый город Коринф, обязанный своим процветанием тому, что располагался на узком перешейке – Истме, – соединяющем Пелопоннес с остальной Грецией. Имея такое стратегически выгодное географическое положение, Коринф наживался на морской торговле, позволяя волоком перетаскивать торговые суда через перешеек, а также на сухопутном сообщении в направлении север – юг.

Юго-восточнее Коринфа на территории полуострова Пелопоннес, посередине между гористой Аркадией и морским побережьем, простиралась издревле заселенная плодородная область Арголида. К югу от Микен и ближе к морю – в созвучии с естественной тягой греков наступившей эры к мореплаванию – возвысился новый главный город Арголиды – полис Аргос. На заре архаической эпохи он, вероятно, и был ведущим городом всего Пелопоннеса, а Спарта, тогда еще теснившаяся в долине Эвроты, могла лишь завидовать его статусу. Слишком хорошо понимали спартанцы, что их собственный город относится к числу второразрядных, поскольку, даже расширив владения на весь бассейн Эвроты,

Спарта добилась лишь очень незначительного прироста населения. Дальнейшей экспансии на север препятствовал Аргос, так что, если Спарта желала вырваться из тесных пределов Лаконики, ей оставался только один путь – на запад, в Мессению.

Мессения в те времена еще не была полисом, хотя город с таким названием появится на этой земле позже, только в классическую эпоху. Мессенцы скорее представляли собой общность, которая у греков называлась *этносом*, иными словами, племенем. Однако в том древнегреческом смысле понятие «племя» не несло коннотаций безыскусного первобытного варварства, каким его отяготили последующие века. Напротив, этнос во многих отношениях представлял собой более сложное политическое образование, чем полис. Одно-го доминирующего города в этносе не существовало, а входившие в него государства объединялись в некое подобие конфедерации, которая при всей ожесточенности внутривнутриполитических распр перед лицом внешнего мира неизменно выступала единым фронтом. (Дорийцы и ахейцы тоже составляли этносы, и, хотя первые не слишком спешили объединяться, ахейцы в последующие годы создали федерацию, и притом весьма действенную.) Первые федерации возникли в Фессалии на севере от Пелопоннеса, в Этолии на северо-западе полуострова, в Аркадии и, конечно, в Мессении.

К северу от греческой части Балканского полуострова располагалось царство в общепринятом смысле – обширная

территория, где вся власть принадлежала царю. Это была Македония, которая казалась грекам слишком отсталой и примитивной, чтобы считаться греческим государством, как ни возражали против такой нелестной оценки македонские цари.

Разумеется, в архаическую, а затем в классическую эпоху понятие «Греция» охватывало намного большее цивилизационное пространство, чем собственно материковая Греция. Самые значимые центры эллинистической цивилизации динамично развивались на негреческих заморских территориях – на Сицилии и Крите, в материковой Анатолии и на островах Эгейского архипелага. На острове Лесбос был основан город Митилена, где в дальнейшем родится один из знаменитейших поэтов-лириков Греции Алкей, – его непревзойденный талант затмит, пожалуй, разве что талант его согражданки Сапфо, которую Платон величал десятой музой. Обратим внимание, что Митилена была лишь одним из очагов блистательной культуры Восточной Греции, как собирательно называли греческие города Анатолии и Эгейского архипелага. Другие ионические города, Милет и Эфес, станут первопроходцами на пути к интеллектуальной революции V в. до н. э., чьи идеи, как известно, перехватят Афины в период всплеска открытий, которые заложат основы нашей современности.

Неудивительно, что Афины выдвинулись в разряд центров ионической культуры, поскольку тоже считались ионийским полисом. Согласно преданиям самих ионийцев, их

первоначальной родиной был Пелопоннес. И кстати, древние греки тоже терялись в догадках о том, что же стало с народами, которых дорийцы вытеснили из Спарты и прочих мест, и решили для себя этот вопрос: уверовали, что вытесненные из родных мест дорийцами ионийцы хлынули на восток, на острова Эгейского моря и анатолийское побережье. Правда, в таком объяснении проглядывает некоторое упрощение, поскольку, по данным археологов, ряд ионических городов существовал еще в бронзовом веке. Тем не менее древние греки верили в свое объяснение, и оно приобрело чрезвычайную политическую важность, когда дорическая Спарта в конечном счете схлестнулась в военном противостоянии с ионическими Афинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.